

1. В долине северной реки

СЕВЕР. Его дыхание чувствуется издали. С каждым часом полета сопки все ниже нахлывают свои снеговые шапки, яркий осенний убор лесистых долин сменяется бурными тонами глубокой осени.

В низовьях Пенжины снег лежит уже у подножий. По реке густо идет шуга. Зима уверенно вступает в свои права. Десятого октября в Каменском начался обильный снегопад, заморозили тихие протоки, снег прикрыв и лес и тундру. Только реки черными лентами вились еще среди ослепительной белизны.

Пусто, кругом ни души. Но это лишь на первый взгляд. Приглядишься внимательнее: по заснеженным косам вдоль реки, по распадкам уже проложены первые нартовые пути, а за скалой, что нависла над берегом, определилось удобное место чаевки. Рядом поляны на быстрье, которая не замерзает даже в самые лютые морозы, и сушняк для костра на склоне берега предостаточно. Вот и сейчас густо дымит из-за скалы смолистый кедровник. У костра на бревешках плавника расположились на отдых троих в пестрых куртках. Это охотники двинулись по первопутку на свои далекие участки. Из новеньких эмалированных кружек доносится аромат крепкого чая. Двое молча жуют насыщенный кедровый балык, а третий, прихлебывая из кружки, с увлечением рассказывает о прошлой охоте. Главная тема рассказов на чаевках — медведи. Их в районе много, и не только охотникам-профессионалам, но и оленеводам нередко приходится встречаться с косматым властелином тайги. А недавно в конфликт с медведем пришлось ввязаться связистам. Постоянной телефонной линии между Каменским и аэропортом пока еще нет. Связь осуществляется с помощью временного кабеля, протянутого по лесам на козлах-треногах. Как-то недавно прервалась связь с аэропортом, пришлось людям проверять линию. Идут связисты по линии, находят обрыв. Болтается конец провода на треноге, а другого конца нет. На свежевыпавшем снегу четкие отпечатки медвежьих лап. Связисты пошли по следу и в сотне метров от линии нашли второй конец оборванного провода.

Провода соединили, телефон заработал. А через несколько дней вся история повторилась. Только на этот раз косопалый вырвал и утащил далеко в сторону более длинный кусок провода. Спутанный клубок его снова нашли в стороне от линии на медвежьем следе.

Видимо, монотонное гудение проводов раздражало зверя, — предполагают охотники, — и он дважды по-своему расправился с телефонной линией. Но после вторичного восстановления уже не появлялся. Залег на зиму. Успокоился.

Если не считать Амура, который делит свои воды между Охотским и Японским морями, Пенжина — крупнейшая из рек, впадающих в Охотское море. С крутобоких сопек Гидана мчит она свои холодные струи, пополняясь водами Аяки, Шайбо-вема, Черной, Оклана, Белой и сотен мелких притоков.

В половодье реки бушуют, разрушают берега, намыывают новые острова и отмели, с корнями выворачивают столетние деревья. А сейчас морозы сковали горные потоки, стихли обмелели реки. Даже по могучей Пенжине не пробиться на катере. На перекатах воды по колено.

Исключительно богат и разнообразен животный мир долины Пенжины. В самой реке в изобилии водятся пресноводные рыбы, каких нет ни в одной из рек Камчатки. Шуга, налим, хариус, чир — представитель ситовых, острок, конек. Люди ловят рыбу лишь близ селений, а в остальных местах ее никто не тревожит. Даже малоопытный рыбак с примитивными орудиями может всегда рассчитывать на успех.

На берегах Пенжины и ее притоков множество пушных зверей. Лиса, выдра, горностай, заяц водятся по всей долине. Десять лет назад в верховья реки был завезен соболь. Пойманных в Мильковском районе зверьков перевезли далеко на север и выпустили на волю. Несколько лет подряд существовал строжайший запрет на промысел соболя. А сейчас добыча соболей из года в год увеличивается, не причиняя ущерба запасам. Выпущенный в одном месте, соболь прижился, стал быстро размножаться и распространяться. Сейчас охотники добывают соболя за сотни километров от мест его первого расселения.

Тиха и малолюдная долина Пенжины. У самого устья реки расположились три поселка. Сюда приходят корабли из Петропавловска. Здесь основная база Пенжинского рыбокооператива, поселок геологов и центральная усадьба артели имени Сталина. В 80 километрах от устья — районный центр — село Каменское. Выше на притоке Пенжины — Оклане расположился Окланский оленеводхоз, еще выше на расстоянии 350 — 400 километров от устья — Пенжинский оленеводческий совхоз, а за ним еще почти за сотню километров — колхоз «Полярная звезда». Оленей в этом хозяйстве насчитывается более 11 тысяч, а людей не наберется и

трехсот. Да и те в большинстве не живут в селе, а кочуют вместе с табунными по обширным тундрам. Зимой, когда охотники выезжают на свои далекие участки, в селах людей еще меньше.

Аянка — самое далекое село в районе. По реке до него от устья около 500 километров. Да и зимняя дорога не намного короче. Почти неделю надо добираться до Аянки из себаха.

Еще 20 лет назад в этих местах никто оседло не жил. В лесистых поймах рек и по высокогорным тундрам кочевали рыбаки, охотники и оленеводы. В дореволюционные годы богатые оленеводы, имевшие по несколько тысяч оленей, пользовались наемным трудом батраков. А те, чьи малочисленные стада не могли прокормить семью, вынуждены были заниматься в пастухи. Платой за их труд обычно было лишь удовлетворение насущных потребностей. Зато своих оленей они не расходовали, пасли их вместе с хозяйскими, выращивали молодняк. Каждый пастух мечтал о своем стаде, достаточном для безбедной жизни, но немногим удавалось выбиться из нищеты. Иной до глубокой старости батрачит в чужих табунах, да так и умирает, оставляя в наследство детям полсотни важенок и свою горькую батрацкую долю.

Богатые оленеводы эксплуатировали не только своих пастухов. Рыбаки и охотники, не занимавшиеся оленеводством, тоже шли к ним на поклон, просили обменять пушнину и рыбу на оленей.

Скупая пушнину у бедняков, крупный оленевод становился посредником между охотниками и хозяйничавшими здесь американскими купцами, получая немалые выгоды от такого посредничества.

Только после установления Советской власти бедняки-охотники вырвались из зависимости от богатеев. Советские пушные фактории снабжали их всем необходимым и платили за пушнину ее действительную стоимость.

В 1940 году беднейшая часть населения верховьев Пенжины и Олоя объединилась в колхоз «Полярная звезда». Центром артели стало зарождавшееся тогда село Аянка.

По мере укрепления колхоза, а потом и зажиточные оленеводы. Это и определило основное направление хозяйства артели. Сейчас колхоз развивает многие другие отрасли, но оленеводство продолжает оставаться основой хозяйства, основным источником доходов.

В этом году колхоз сдает государству 1.200 центнеров оленьего мяса.

И это далеко не предел. На конец семилетки планируется сдавать ежегодно не менее 2.400 центнеров оленьего мяса.

Созданный на границе Чукотского и Корякского национальных округов колхоз «Полярная звезда» собрал в единую семью представителей многих северных национальностей. В Аянке живут и трудятся коряки, чукчи, эвены, ительмены, юкагиры, алеуты, русские, украинцы. Общие цели, общий труд объединяют людей. Многоязычно население Аянки, люди одной национальности между собой говорят на своем языке. Но все, за незначительным исключением, знают русский язык, который обогащает языки Севера новыми словами, новыми понятиями. Ни коряк, ни эвен, ни чукча, говоря на своем языке, уже не может обойтись без русских слов. Кино, радио, электричество, председатель, счетовод, ветеринарный врач, фельдшер, учитель...

Да разве можно перечислить все понятия, явления, предметы, которые стали сегодня обычными в обиходе северных оленеводов и о которых даже не слышали их деды. Русский язык облегчает общение людей, которые в прошлом с трудом понимали друг друга, нередко враждовали из-за лучших пастбищ, а теперь вместе строят коммунистическое общество на крайнем севере Камчатки.

И Рольтигиргин отдавал сотнями и для помощи фронту для организации новых колхозов. Быстро сокращалось стадо. А когда оленей стало меньше половины, ушли гиргинцы с Олоя на Пенжинку.

Постыдился бы, — отвечал Пельхило. — Малыми детьми вы их ограбили и бросили. А теперь вдруг вспомнили родство. Оленей ты им дай, пусть в наших стадах пасутся и размножаются. А к себе не тужи. Да и сами они не пойдут к тебе.

— Ты прав, старик, — вставил свое слово Василий. — Никуда мы не пойдем. Мы теперь взрослые, живем своими челюстями, — закончил он, употребив обычное у оленеводов выражение, обозначающее самостоятельность и способность трудом добыть средства к существованию.

Как ни жаден был родственник, пришлось ему выделить несколько важенок и хоров для Василия и его сестер. Но для самостоятельной жизни этого было мало. Пустил Василий своих оленей в большое стадо Пельхило и остался у него пастухом.

Давно это было. Когда по верховьям Пенжины и Олоя пронеслась от стойбища к стойбищу весть о новой, Советской власти, Василию минуло уже 40 лет. Много раз пытался он завести собственное стадо, но счастье ему не улыбалось. То болезнь начинала косить оленей, то гололедица лишала корма. Василий Спиридонович снова шел к богатым оленеводам, снова пас чужих оленей. Теперь ему приходилось не только себе добывать пропитание. В удачный год он обзавелся семьей. Вспомнивая свое безрадостное детство, он трудился за двоих, лишь бы его дети не знали голода, не одевались бы в чужие обноски.

К новому слову «колхоз» оленеводы отнеслись настороженно. О том, что люди собираются объединиться, чтобы вместе пасти оленей, толковали во всех стойбищах. Бедняки, чьи стада не превышали нескольких десятков голов, сразу почувствовали, что объединение принесет им большие выгоды. Богатые оленеводы колебались. Не хотелось им расставаться со своим привилегированным положением хозяев, а что делать, если и их пастухи уйдут в колхоз. Кто будет пасти многочисленные стада?

Василий Спиридонович, за которым прочно закрепилось прозвище Юкагирин, что по-чукотски означало лишь его национальную принадлеж-

ность к роду Юкагиров, — один из первых начал кочевать в районы Березовой. Там, где Березовая, как ее сейчас называют, впадает в Пенжину, селись рыбаки, охотники и оленеводы. Несколько ниже устья Мурга складывалось новое село Аянка.

В районе Березовой встретился Спиридонович известному здесь местному силачу Вутыне. Сейчас рассказывают оленеводы, сранилась борода вокруг одной из оленьих ошкотов. В молодости он обвязывал ремнями оленей, впрягался в ремни и камень вокруг сопки, проплетая глубокую борозду. Не применяя своей богатырской силы, Вутыня затаскивал на вершины тяжелые нагруженные нарт-то-схватит одной рукой за рога, а другой за ноги. Бьетса, хвастается оленем, а Вутыня посмеивается, держит его за рога часами, пока оленю не сморщится, окончательно вымившись из сил.

Вутыня не был бедняком. Едет с сыновьями пас на своем мушкетерском стаде. Но в колхозе охотничью семью привлекло? И бой. И сейчас в Аянке лучшие стухами считаются его сыновья: седые, Нейкевев, Ингир, Редьтайга, Хутылин.

Давно умер кочевавший в этих местах старик Пельхило, оставивший сироту Василия. Старик оставил он по наследству Рольтигиргину.

— Береги оленей, — завещал старик, — без них человек не живет. Иметь ни крова, ни пищи. Свои волков, голодных, копты, все-все-завистливых соседей. Но в же волков. Готовы все отдать. И Рольтигиргин выполнит завет деда, истреблял волков, а откочевывал с зараженными пыткой участков. Только пол-соседей не одолел.

Далеко на западе шла битва. Гитлеровские танки рвались к Москве. В тундре дили люди за помощью. Зашли Родины надо было послать мяса, теплой меховой одежды, все богатые оленеводы не отказались от своей оленей. Свои ст-припрятав подальше, а на ч-гиргина пальцем укажут; и п-так-оли-от несп-ых, зав-соседей. В-всей своей-и остатка-да-то-биз-

стада поступался он в колхозе. Родило и укреплялось колхозное хозяйство. Без устали трудился Василий Спиридонович, гиргин. Годы посеребрили его седые усы, но он уже не опасался судьбы своих детей. Колхоз ютсшая дружная семья. Здесята труд, общие оленей. И после-родителей дети не останутся-спиритными сиротами. Недавн-Василия Спиридоновича, тов-вернулся в Аянку из Палан-скохозяйственной школы. И не один, привез молодую ж-савицу-корячку Нину и ма-Сашку. Нина вместе с муж-чила сельхозшколу, стала в-ным фельдшером. Сашка — полный мальчуган — в-точных яслях, и молодые-спокойно трудятся.

Сам Василий Спиридонович не в силах пасти оленей. Кочевничает ему достаточную-он не сидит без дела. Ред-давно перевалило за восемь-всего несколько лет назад-работал пастухом. Да и сейчас-рик заготавливает для своей-дрова, ловит рыбу.

ПРОЖИТА большая жизнь, пережито много дней, много лишений. Да-тем-вспоминать. Тихой радостью-взор старика, когда он см-своих детей и внуков. Они-ют горя, широк и светел-из-В Москве на XXII съезде-стической партии-лучшим-страны думали о том, что-дети и внуки были еще-И старик не сомневался, что-так, как наметила партия-Программе. На опыте убеда-рый Юкагирин, что партия-слов не бросает. Это она-людей в колхоз, научила-роться с суровой северной-дой, и люди в общем тру-свое счастье. А вот тепер-много говорят о коммуни-в сердцем он чувствует, что-— это счастье людей-его детей и внуков.

И. Я. (Наш спец-)

Письма из Аянки

3. ПРАЗДНИК В КОЛХОЗЕ

3. 12

— ГОНКИ уже начались. Восемь оленьих упряжек стартовали из центра села, — сообщил мне председатель сельского Совета Иван Егорович Етувья. — Через минуту гонщики пройдут по этой дороге. Да вот они уже показались...

Я глянул на поворот дороги и разочаровался. Вместо лихо мчащихся упряжек, вместо свиста и гиканья гонщиков, из-за поворота неторопливо легкой рысцой выбежали первые олени. Плотнo друг за другом, без интервалов шли все восемь упряжек. Гонщики мирно переговаривались между собой. Поровнявшись с нами, весь караван на минуту остановился.

Иван Егорович пожелал всем участникам соревнований успеха, взмахнул рукой и упряжки тронулись. Все так же спокойно размеренной рысью бежали олени, никто не пытался вырваться вперед.

— Ничего не понимаю, какие же это бега? — начал было я, уныло взглянув на председателя сельсовета.

— А что? — ответил он, — все как надо. Беговать у нас умеют. Сейчас им спешить пока некуда. Потихоньку доведут до условного места, там немного отдохнут. Вот тогда-то и начнут беговать по-настоящему. Старт в селе — это только так, для парадности, для публики. Борьба за первенство развернется только на обратном пути. Там уже не зевай. Сами участники бегов дадут себе старт и из мирных попутчиков превратятся в рвущихся к победе соперников.

Почти два часа на месте старта в селе толпился народ. Мороз крепчал, прогонял иных домой погреться. Но люди снова выходили и, похлопывая рукавицами, толковали о прошлогодних бегах, высказывали свои предположения о результате сегодняшних.

Здесь же, откуда недавно ушли

упряжки, был и финиш. Председатель колхоза В. Д. Дрокин и секретарь колхозной партийной организации Авак принесли к финишу три длинных кола с привязанными к ним пакетами. Это призы трем лучшим гонщикам. Колы установили в снег у дороги, так, чтобы гонщики видели их издали.

— Уже два года, — рассказывали мне на финише, — пастух из седьмого стада Павел Константинович Долган никому не уступает первенства в соревновании. Уже не молодой и не очень крепкий здоровьем, он большой мастер обучения оленей. Сильных и выносливых быков подобрать нетрудно. Но для победы на бегах этого мало. Даже лошадь, которая всю жизнь в упряжке, может вдруг взбунтоваться, выйти из повиновения. А олени, они и вовсе дикие. Испугается какого-нибудь пустяка, метнется в сторону или начнет крутиться на месте. А другие тем часом бегут вперед, обгоняют.

Хорошо обученные олени не силой берут, а привычкой подчиняться человеку. Павел же Константинович и оленей подбирает сильных, и учит их терпеливо. Вот и побеждает.

В табуне, когда пастухи ловили ездовых быков для очередной перекочевки, я залюбовался могучим красавцем с великолепными рогами. Заметив мой интерес к этому оленю, один из пастухов покачал головой и пренебрежительно бросил мимоходом: — Мясо.

Оказалось, что красавец олень и в самом деле годился только на мясо. Тот же пастух показал мне пару настоящих беговых быков. Внешне они были куда хуже: рога наполовину обрезаны, ноги непропорционально тонки. Но это были настоящие бегуны, прошедшие в легкой упряжке уже не

одну тысячу километров. Нет, не считают оленеводы красивым рослого стройного быка с ветвистыми рогами. Только мясо, да еще не самое лучшее. А вот эти тонконогие, на их взгляд, лучшие красавцы.

Солнце уже скрылось за лесом, когда толпа на финише заволновалась. Первыми заметили приближающихся оленей мальчишки.

— Едут, едут! — кричали они, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

В лесу, то скрываясь, то снова показываясь стремительно мелькали между деревьями две первые упряжки. Вот одна из них уже миновала лес, вырвалась на прямую дорогу. Широко раздувая ноздри, тяжело, с присвистом дыша, олени мчались к финишу.

— Павел Константинович! — кричали в толпе. — Нажимай.

— А что я говорил? Да разве он может уступить. Раз уж взялся беговать, так обязательно с победой вернется.

Вслед за первой упряжкой из леса метнулась вторая.

— Борис, Борис! — зашумели дети.

Это и в самом деле был старший пастух из четвертого стада Борис Тагратигрин. Его олени бежали еще быстрее. Расстояние между упряжками быстро сокращалось. У самого финиша Борис догнал соперника, ринулся было перегонять, но судьи уже зафиксировали победу Павла Константиновича.

— Ничего, — говорил Борис, — принимая из рук председателя колхоза второй приз. — Не последний раз беговать вышли. Будет еще новый год. Потягаемся...

В дни празднования 44-й годовщины Октября в артели «Полярная звезда» было торжественное собрание, премирование передовиков производства, были концерты художественной самодеятельности, молодежные вечера в клубе, детские утренники. Но интереснее всего были оленьи бега, которые привлекают многочисленных болельщиков. Ведь только хороший, опытный оленевод может надеяться на победу в бегах. Значит, победителю — двойная слава, двойной почет среди односельчан.

Сколько потратили, а все без толку! Пригласив с собою заведующего зооучастком Василия Бахтиянова, Етыльян решил ехать, вывозить больную женщину из тундры. Снарядили карбаз с подвесным мотором, заправили бензином. Управлять мотором пригласили киномеханика П. Ф. Тимошенко. Все же человек постоянно с техникой общается. И поплыли. В устье речки Черной оставили часть бензина, чтобы хватило на обратном пути подняться до Аянки, по Пенжине. На перекате, с которого вернулась первая экспедиция, воды стало еще меньше, а осадка у карбазов больше, чем у каюков. Люди брели по реке, перетаскивая за собою тяжелый карбаз. Скрежетала галька под дном, болели от напряжения руки, от ледяной воды стыли ноги. Но люди шли вперед. Вот уже остался позади длинный перекат, снова захлопал мотор, вспенилась, забулькала за кормой вода. Но не надолго. Второй перекат оказался еще длиннее, еще мелководнее. Потом третий, четвертый, пятый. Их уже не считали. Как только дно судна касалось прунта, все трое опускались за борт, и тащили карбаз до конца переката.

На третьи сутки карбаз вошел в приток речки Черной Чалбулчан и вскоре путники добрались до цели. Но Ирины Тыненик уже не нужна была помощь. Она умерла раньше, чем в колхозе узнали о ее тяжелом состоянии. Болезнь уже несколько лет подтачивала силы женщины. Ей запрещали выезжать из села в бригаду, но она, никого не послушав, ушла тайком. В тундре ее и похоронили. И все-таки люди не зря с таким трудом пробирались в бригаду. Кроме Ирины в бригаде болели еще две женщины: сестра бригадира Валентина и его мачеха Анна Васильевна. Их тоже надо было срочно везти в село, в больницу.

Бензин кончился, а до устья Черной, где был оставлен запас еще далеко. На карбаз установили парус из палатки. Но река летит по тундре, и нередко приходится убирать парус и браться за весла. Когда карбаз достиг устья Черной, ладони гребцов покрылись мокрыми кровавыми мозолями. Здесь снова завели мотор и, преодолевая течение Пенжины, двинулись вверх по реке. На другой день обе больные женщины уже были помещены в сельскую больницу.

Два года в стаде бригадира Бориса Келевеевича Тагратигрина олени гибли от тяжелой болезни копыт (некробациллез). И бригадир, и вся бригада упорно боролись с заболеванием животных. Но ничего не могли поделать. В колхозе решили подобрать более опытного бригадира, и выбор пал на Василия Вачикаевича Етыльяна.

— А как же быть со старым бригадиром, — спрашивали тогда многие. — Обидится человек, как его оставить в бригаде? Но опасения были напрасны. Коммунист Тагратигрин, назначенный старшим пастухом в ту же бригаду, хорошо встретил нового бригадира и взялся изо всех сил помогать ему. Дела в бригаде пошли лучше. Теперь уже никто не сомневается, что стадо скоро выправится и потери в нем прекратятся.

Не все коммунисты в артели «Полярная звезда» проявляют высокую коммунистическую сознательность. У иных живы еще пережитки старого, иные никак не отрешаются от отживших обычаев. Но с каждым днем растет, ширится, крепнет новое в жизни людей, в их отношениях друг к другу, к колхозу, к строительству коммунизма. Многие оленеводы артели имеют оленей в личной собственности. Пасутся эти животные в общих стадах, но распоряжаться ими может лишь их владелец. Несколько десятков оленей было и у коммуниста Ивана Андреевича Нейкевева. Но когда в стране развернулась подготовка к XXII съезду КПСС Иван Андреевич решил, что в период возврата строительства коммунизма ему уже не нужны личные олени. Заработок его в колхозе достаточен для безбедной жизни семьи, а дальше жизнь будет неуклонно улучшаться. Всех своих оленей Иван Андреевич решил сдать колхозу.

— Избавлюсь от лишних хлопот, — говорит он. — А беднее от этого не стану. Сейчас я заведу оленеводческой фермой артели. Все силы буду отдавать развитию общественно-го поголовья. Богаче станет колхоз, поднимется еще выше благосостояние колхозников.

И. ЯКОВЛЕВ.
(Наш спец. корр.)

4. КОММУНИСТЫ

КОГО колхозники артели «Полярная звезда» считают своим лучшим оленеводом? Кто умеет правильно сочетать богатейший практический опыт отцов и дедов с последними достижениями науки? Кто активно поддерживает все новое, передовое в оленеводстве — этой старшей отрасли хозяйства Севера? Спросите любого, и всякий укажет вам на коммуниста, заведующего оленеводческой фермой артели Ивана Андреевича Нейкевева. Еще недавно был Иван Андреевич бригадиром первой оленеводческой бригады колхоза. И бригада была первой не только по счету. Из года в год пастухи первого стада лучше других вели нагул оленей, больше других получали телят от каждой сотни важенок, имели

на конец года самый высокий процент сохранения поголовья. И, конечно, в достижении всех этих успехов главную роль играл бригадир.

— В летнюю пору, — рассказывают пастухи, — когда в тундре обилие зеленых кормов, хороший нагул животных дело не очень сложное. Но если олени на обильных летних кормах не получают в достатке воды, то в самом начале зимы они начнут быстро худеть.

Иван Андреевич Нейкевев мастерски сочетает пастбу на хороших, обильных кормах с регулярным и достаточным поением животных. В результате его стадо и на более скудных зимних кормах сохраняет высокую упитанность и жизнеспособность.

Иван Андреевич не стар, ему нет еще и пятидесяти. Но всю свою жизнь он провел в оленьих стадах. Сын знаменитого в здешних местах силача Вутына, он вместе с отцом и братьями пас отцовское стадо. В числе первых семья Вутына вступила в колхоз и привела с собой многотысячное стадо. Сыновья Вутына и сейчас считаются лучшими оленеводами артели, а первенство среди них неоспоримо принадлежит Ивану Андреевичу. Возьмется ли он обучать ездовых оленей, займется каким-либо другим делом — все у него получается хорошо да ладно. Как всякий потомственный оленевод, любит Иван Андреевич беговать, и нередко заканчивает бега с победой. Случилось ему участвовать в большом совещании оленеводов на Чукотке. Такие совещания всегда завершаются большими спортивными играми. А спортсмены собрались там из всех районов Корякского и Чукотского национальных округов. Было с кем потягаться. Наряду с бегами, излюбленным видом спорта является метание чаута. Тонкий, гибкий, сплетенный из мягких сыромятных ремешков аркан надо набросить на кол на расстоянии до 25 метров. Один чукотский оленевод делал это виртуозно. Из десяти попыток он восемь раз затянул петлю чаута на кол. Но и его победил Иван Андреевич Нейкевев. Спокойно и уверенно бросал он свой чаут и из десяти бросков только один раз петля не наделась на кол.

— Ай-яй, какумэ..., — говорили чукотские оленеводы, с нескрываемым восхищением поглядывая на Ивана Андреевича.

Член правления колхоза, Иван Андреевич редко бывает в селе. Большую часть времени он проводит в отдаленных табунах, организует работу пастушеских бригад, учит молодых оленеводов, по крупницам собирает положительный опыт передовиков. Его выступления на заседаниях правления, на партийных собраниях отличаются конкретностью и деловитостью. В них, как правило, говорится не только об очередных зада-

чах оленеводства, но и о средствах решения этих задач.

Есть в артели «Полярная звезда» еще одна большая семья, вернее даже не семья, а живущие каждый своим домом семь братьев Вачикаевичей. Вачикаевич — это уже несколько искаженное на русский лад отчество от прозвища их отца Куткеу. Сам Куткеу был сыном оленевода Рентонена. Но в семье его называли не по имени, а дали ему ласковое прозвище Очеккай, т. е. парнишка. Это прозвище закрепилось за ним на всю жизнь. При первой паспортизации его настоящее имя Куткеу записали в паспорт как фамилию, а прозвище заменило имя. Так чукча Куткеу стал Очеккаем Рентоничем. Впоследствии каждый из его сыновей получил чукотское имя: Етыльян, Омрелькот, Нананайгин, Етувья, Майнеле, Киттахин и Ятгиргин. При выдаче им паспортов эти имена записали как фамилии, дали каждому русское имя и отчество Вачикаевич от отцовского прозвища Очеккай. Вот и живут семь родных братьев под разными фамилиями и только общее отчество свидетельствует, что все они дети одного отца. Старший Василий Вачикаевич Етыльян и Петр Вачикаевич Омрелькот — бригадиры в оленеводстве. В оленьих стадах трудятся и остальные братья. Только младший Леонид продолжает учиться в школе в селе Слаутное.

Все Вачикаевичи хорошие оленеводы, неустойчивые труженики. Но самый старший коммунист Василий Етыльян пользуется особенно большим авторитетом. Его колхозники избрали членом правления артели, его послали бригадиром в отстающую бригаду, которая два года подряд имела низкие показатели. Спокойная рассудительность в этом человеке счастливо сочетается с твердостью и решительностью. Если дело того требует, он готов смело рисковать, но риск ради самого риска, ради лихачества, осуждает безапелляционно.

В сентябре прошлого года из далекого стойбища оленеводов пятой бригады пришли тревожные вести. Тяжело заболела жена бригадира Ирина Тыненик. Председатель колхоза В. Д. Дрокин вместе с председателем сельсовета В. К. Киткахиным решили пробыть в пятой бригаде по мелководной реке Черной. Установив подвесной мотор на спаренных каюках, они отправились в дорогу. Но на перекатах даже легкие каюки сядились на мели, и путники вернулись ни с чем.

Очень рассердился Василий Вачикаевич, узнав об этой неудачной попытке. Тогда он был в артели заводом и жил постоянно в селе.

— Если люди настоящих трудностей не видели, не преодолевали, им не следует за такое дело браться, — сказал он, собираясь в дорогу. — Зря сожгли уйм бензина, времени